

Е. А. Евтушенко

Лермонтов

О ком под полозьями плачет
сырой петербургский ледок?
Куда этой полночью скачет
исхлестанный снегом седок?

Глядит он вокруг прокаженно,
и рот ненавидяще сжат.
В двух карих зрачках пригвожденно
два Пушкина мертвых лежат.

Сквозь вас, петербургские пурги,
он видит свой рок впереди,
еще до мартыновской пули,
с дантесовской пулей в груди.

Но в ночь — от друзей и от черни,
от впавших в растленье и лень —
несется он тенью отмщенья
за ту неотмщенную тень.

В нем зрелость не мальчика — мужа,
холодная, как острие.
Дитя сострадания — муза,
но ненависть — нянька ее.

И надо в дуэли доспорить,
хотя после стольких потерь
найти секундантов достойных
немыслимо трудно теперь.

Но пушкинский голос гражданства
к барьеру толкает: «Иди!»
...Поэты в России рождались
с дантесовской пулей в груди.